

Е. А. ЮРКИТОВИЧ
Республика Беларусь, г. Минск

КАТЕГОРИЯ СООБЩЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ Г. ШПЕТА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Согласно Г. Г. Шпету, явление социальной действительности отличается от явления природного мира тем, что оно всегда наполнено субъективным содержанием, поскольку является результатом человеческих действий, идей, устремлений, обычаев. Материалом для научного исследования они становятся только после того, как будут выражены в слове (знаке). Язык (знаковая система) оказывает на субъективное человеческое действие объективирующее влияние. Цель интерпретации в данном случае – через исследование словесного выражения выявить смысл произошедшего события. Под смыслом в герменевтике Г. Шпета подразумевается *социальная мотивация* изучаемого предмета. В отличие от значения, которое описывает суть предмета самого по себе (отвечает на вопрос «что?»), социальная мотивация передает цель предмета (отвечает на вопрос «для чего?») и выражается в глагольных, передающих действие формах (например, смысл секиры заключается в «рубить»).

Признание важности «субъективного фактора» в историческом событии привело Г. Шпета к выводу о неправомерности использования в истории естественнонаучной методологии. Основным методом исторической науки он считал не объяснение, предполагающее жесткую детерминацию общественной жизни, а *описание*, способное фиксировать особенное, частное в содержании, прослеживая динамику развития смысла в контексте конкретных обстоятельств его осуществления.

Для исторической науки методологически важны два момента. Во-первых, описательная стратегия научного анализа. Она позволяет уловить уникальное, единичное в историческом событии, то, что ускользает от унифицирующих «схем» и «таблиц» объяснительной стратегии. Во-вторых, контекст изучаемых историком явлений. «Историчность или неисторичность определяется не характером оценок и не изображением фактов, а введением их в должный "контекст", установлением и выбором этого контекста», – писал Г. Шпет [2, 13]. Для интерпретации контекст – это не закон, действующий вне времени, а фокус зрения, зависящий от времени и обстоятельств рассмотрения исторического факта. Специфика самого исторического материала в том, что весь потенциал его смысла открывается с течением времени, путем изменения фокуса зрения, которое не отрицает предыдущие толкования, но дополняет открытый ранее смысловой багаж исторического события. Почему иногда одновременно существует нескольких альтернативных «историй», когда один и тот же исторический факт интерпретируется по-разному? Очевидно, избираются различные контексты или фокусы зрения. В этом случае интерпретативно-аналитическая работа историка, равно как и социолога, может оставаться научной только при условии сознательного *выбора* и *установления* контекста, его прозрачности как для исследователя, так и для читателя. Таким образом обеспечивается объективность при исследовании субъективного материала истории и других социальных наук.

Герменевтика оказывается методологией, близкой материалу наук об обществе, поскольку ее основной механизм – понимание – укоренен в факте интересубъективности (возможности взаимопонимания и взаимодействия) человеческой культуры. Это

становится ясным, когда Г. Шпет переходит от теоретического анализа начал герменевтики непосредственно к анализу герменевтической практики в области эмпирических наук. В результате в разряд основных герменевтических категорий им вводится понятие *сообщения*, которое представляет и конкретизирует процесс интерпретации в терминах двустороннего соотношения: говорящий – слушающий, передача – восприятие и т. д. Это связано с тем, что реальная герменевтическая практика всегда является соотношением или «диалогом» двух (или более) точек интерпретации. В истории это – понимание и описание события современником (источник), а затем понимание и выражение смысла события историком (интерпретация). Понятие сообщения, таким образом, указывает на «двусторонность самого акта понимания, требующего для своего осуществления наличности говорящего и компонирующего, с одной стороны, и слушающего и понимающего, с другой стороны» [3, 244]. Эти «отношения» говорящего и слушающего по поводу понимаемого и организуют взаимность смысловых перспектив, которая делает историческую интерпретацию полноценной. Сходную позицию можно наблюдать и у Х.-Г. Гадамера, который говорит о необходимом слиянии смысловых горизонтов интерпретатора и интерпретируемого для осуществления герменевтической практики [1, 452].

Особенность интерпретации с учетом влияния понятия сообщения заключается в ее функциональной двойственности, поскольку под интерпретацией мы понимаем как *процесс* прояснения смысла, так и фиксацию *результатов* этого прояснения посредством написания текста. Соответственно, Г. Шпет выделял в интерпретации две важные для исследователя функции: 1) интерпретация как *метод исследования* материала: имеет целью усвоить его содержание, «понять самому»; 2) интерпретация как *метод изло-*

жения понятого: имеет целью адекватную передачу информации о понимаемом, «дать понять другим». Оба вида интерпретативной деятельности всегда присутствуют в работе историка.

Категория сообщения привносит в герменевтическую методологию осознание важности «второго ряда значений»: эмоций, намерений говорящего, ожиданий слушающего и других экспрессивных элементов выражения. Соответственно, по-новому освещаются контексты смысловой динамики – исторический, этнический, политический, личностный. Они дополняются эмоционально-экспрессивными элементами, сопровождающими исторические события под именем «человеческий фактор». Говоря о субъективной компоненте в историческом материале, Г. Шпет предостерегал от проявлений психологизма в самом методе. По его мнению, понятие «сообщения» выводит герменевтическую проблематику из компетенции психологии в сферу социально-лингвистического анализа. Интерпретатор должен в своей работе опираться не на «вчувствование» и интроспекцию, а на логику образования смысла в языковом выражении. Этим обусловлен тот факт, что герменевтика получает научный статус только тогда, когда направляется не на личность, а на *знак*. Интерпретировать не значит «поставить себя на место другого». Интерпретация предполагает строгую логическую работу, направленную на поиск смысла. Таким образом, герменевтика может и должна исследовать субъективное содержание выражения, но сама – как метод исследования – должна быть объективной.

Не личность исследователя, а язык определяет ход интерпретации. Это верно как в структурном отношении (смысл образуется не произвольно, а согласно существующим лингвистическим нормам и особенностям выражения), так и в плане национального и идеологического влияния языка на интерпретацию, поскольку контекстуален не только выражаемый смысл, но и сам язык как объективный социальный факт. «Язык, в его целом,

точно так же, как и каждая его составная часть, имеет значение, имеет смысл только в контексте какого-то, всегда более обширного целого» [4, 94].

В целом разработанные Г. Шпетом на основе анализа сообщения концептуальные особенности герменевтики позволяют говорить о методике интерпретации, учитывающей современное состояние общества и весь накопленный к моменту интерпретации социально-культурный опыт. Интерпретация в этом случае должна претендовать не только на воспроизведение смысла исторического события, как он понимался в прошлом, но и на раскрытие всей полноты его смыслового потенциала, которое возможно только по прошествии многих лет. Подтверждением правомерности такого подхода могут послужить слова одного из героев художественного фильма «Гардемарины, вперед!» на предложение сжечь документы, компрометирующие его: «Письма – в тайник. Я хочу, чтобы о моих делах судили не современники, а потомки».

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
2. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Сочинения. М., 1989.
3. Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст, 1990: Литературно-теоретические исследования. М., 1990.
4. Шпет Г. Г. Язык и смысл // Логос. 1996. №7.